

БЫЛ ЛИ ХАЙДЕГГЕР ВЕРУЮЩИМ?

В.В. ЛЕТУНОВСКИЙ*

В статье приведены биографические данные великого немецкого философа Мартина Хайдеггера, а также выдержки из его работ, развивающие миф о нем как о представителе «атеистического экзистенциализма». Утверждается, что Хайдеггер никогда не изменял привитому ему с детства религиозному мировоззрению, а лишь восставал против догматического католицизма. Акцентируется вопрос о субъектности в бытии, локализованной, по Хайдеггеру, не только в человеке, но и вне его. Куда иначе, как не к Богу, этот путь ведет, задается вопросом автор.

Только Бог еще может нас спасти.

Мартин Хайдеггер

Не так часто встретишь людей, тщательно и серьезно читавших работы Хайдеггера. Еще реже можно встретить человека, знающего его биографию. Тем не менее, рассуждать о Хайдеггере модно, и многие делают это, не удосужившись изучить ни его работы, ни историю его жизни. Прискорбно, но приходится признать, что первотолчок к такого рода поверхностным рассуждениям дал выдающийся французский экзистенциалист Жан Поль Сартр, зачислив Мартина Хайдеггера наряду с самим собой в ряды атеистических экзистенциалистов, а Габриэля Марселя и Карла Ясперса – в ряды религиозных (Sartre, 1977).

Эту классификацию Сартра стали активно использовать и другие авторы: даже в учебниках по философии мне доводилось обнаружить что-то подобное (Кириленко, Шевцов, 1999). А не так давно у меня произошел спор с одним из коллег по поводу религиозности Мартина Хайдеггера и следования им в жизни своим убеждениям. Вышеописанный факт собственно и явился причиной, побудившей меня к написанию данной статьи, которая, надеюсь, послужит к прояснению поставленного в ее заголовке злополучного вопроса.

---

* *Летуновский Вячеслав Владимирович* – МГУ им. М.В.Ломоносова.

Детство и юность

Известно, что детство и юность Мартина Хайдеггера прошли под сенью церкви. Отец Мартина Фридрих Хайдеггер был причетником в Мескирхской католической церкви святого Мартина (возможно, сам Хайдеггер и назван был в честь этого святого), поэтому маленькому Мартину вместе с братом Фрицем приходилось помогать отцу в церкви, где они выполняли функции церковных служек, собирали цветы для украшения храма, а также звонили в колокола. О своем удивительном общении с церковными колоколами Хайдеггер писал в очерке «*О тайне башни со звоном*»:

«Таинственный лад, соединявший и сопрягавший в целое последовательность церковных праздников, вигилий, времен года, утренних и вечерних часов каждого дня, так что единый звон проникал и пронизывал юные сердца, сны и мечты, молитвы и игры, – он, этот лад, видимо, и скрывает в себе одну из самых чарующих, самых целительных и неисповедимых тайн башни со звоном» (*Сафрански, 2002, с.30*).

Лично у меня создается ощущение, что этот «таинственный лад» церковных колоколов сквозит и слышится во всех без исключения произведениях Хайдеггера, делая их торжественными и как-то по-особенному чарующими, волшебными. Столь же важно отметить, что Хайдеггер знал и, очевидно, ценил опыт молитвы. Нет абсолютно никаких оснований считать, что он отказался от этого опыта в зрелые годы.

В 1903г. Хайдеггер поступает в католическую семинарию в Констанце, в которой пребывает вплоть до 1906г. (Напомним, что родился М.Хайдеггер 26 сентября 1889г.). В том же году он переводится в семинарию во Фрайбурге. В 1909г. ректор этой семинарии дает Мартину (а было ему тогда ровно 20 лет) следующую характеристику:

«Его одаренность, прилежание и нравственные качества заслуживают хорошей оценки. Он уже достиг определенной зрелости характера, в учебе также проявил самостоятельность и даже, пожалуй, чересчур много – в ущерб другим предметам – занимался немецкой литературой, обнаруживая большую начитанность. Он уверен в своем желании вступить в Общество Иисуса» (*Сафрански, 2002, с.38*).

30 сентября 1909г. Мартин Хайдеггер становится послушником ордена иезуитов в монастыре Тизис близ Фельдкирха. Но уже через две недели, по истечении испытательного срока, он покидает монастырь в связи с участившимися болями в сердце. Два года спустя те же самые боли возобновляются, вынуждая его прервать подготовку к священническому служению. Один из самых дотошных исследователей творчес-

кого пути М.Хайдеггера Рюдигер Сафрански говорит о том, что «само сердце Хайдеггера восстало против его разума» (*op.cit.*). И, действительно, оглядываясь назад, Хайдеггер считал удачей, что его карьера священника преждевременно оборвалась, подарив ему свободу в философских исследованиях. Тем не менее, он всегда подчеркивал решающее значение богословской подготовки для формирования его философской мысли: «Без богословского начала я никогда бы не пришел к пути мысли. Исходное же всегда остается будущим»¹ (Хайдеггер, 1993а, с.278).

Творчество. Теизм или атеизм?

9 января 1919г. Хайдеггер написал своему другу времен «католической юности» Энгельбергу Кребсу письмо, которое иногда совершенно несправедливо обозначают как разрыв Хайдеггера с религией. В действительности же это был разрыв не с религиозным мировоззрением в целом, а исключительно с догматическим католицизмом:

«Два прошедших года, на протяжении коих я бился над принципиальным прояснением моей философской позиции... привели меня к таким результатам, что я, оставаясь связанным другими обязательствами, помимо философских, не мог бы гарантировать сохранение моей свободы убеждений и преподавания. Теоретико-познавательные исследования, относящиеся главным образом к теории исторического познания, сделали для меня проблематичной и неприемлемой систему католицизма, хотя и не христианство и не метафизику, которые теперь имеют для меня совершенно новый смысл... (выделено автором). Я убежден, что имею внутреннее призвание к философии и, реализовав его в исследовательской и преподавательской работе, сделаю все, что в моих силах, сделаю все возможное для исполнения вечного предназначения внутреннего человека² – но только для этого, – и таким образом оправдаю мое вот-бытие и дело даже перед Богом» (Сафрански, 2002, с.156-157).

В том же самом письме Хайдеггер писал Кребсу о том, что его не устраивает именно современная система католицизма и о том, что он испытывает глубокое уважение к средневековым католическим ценностям. Так что же побудило Хайдеггера отказаться от католического Бога, и какого типа религиозность теперь стала для него приемлема? Для Хайдег-

¹ «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим» – данный текст возник ориентировочно в 1944-1945 годах. Поводом к его созданию послужил визит в Германию японского профессора Тезука.

² Очевидно, что в понятии «внутреннего человека», Хайдеггер опирается на послания апостола Павла: «... но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4:16).

гера оказался чуждым тот Бог, которым богатая традициями католическая церковь распоряжается как своим достоянием, всегда подвластным ей «сокровищем истины». Подобные попытки превратить недоступного «“Бога времени” в Бога, которым можно располагать по своему усмотрению», говорит Хайдеггер вслед за Блаженным Августином, имеют свой исток в «беспокойстве» человеческого сердца, стремящегося обрести покой. Августин же строго различает тот покой, которого человек достигает самостоятельно, и тот, который он получает от Бога. Покой второго рода овладевает человеком совершенно для него неожиданно, снимая с него всякое беспокойство. Мы не в силах никому дать мира, – говорит Хайдеггер, – пока мир не будет нам дарован. Хайдеггер замечает, что в своем предчувствии Бога философия должна рвануть жизнь назад к себе, к своим первоисточкам, чтобы лишиться себя возможности бегства в утешительные метафизические конструкции, где места для живого Бога уже не остается.

Хайдеггеру оказывается близким тот тип религиозности, который религия воспитывает в человеке, внушая ему чувство благоговения перед необъяснимостью мира и непостижимостью божественного существа. Среди современных ему теологов как наиболее близкого Хайдеггер выделял Карла Барта, дававшего Богу апофатическое определение:

«Бог, чистая граница и чистое начало всего того, что мы есть, что мы имеем и что делаем; противостоящий в бесконечном качественном различии человеку и всему человеческому; никогда не идентичный тому, что мы называем Богом, переживаем и предчувствуем как Бога, к чему возносим наши молитвы; это безусловное “Стой!”, обращенное ко всякому человеческому беспокойству, и безусловное “Вперед!”, обращенное ко всякому человеческому покою... Здесь не из-за чего переживать романтикам, не на чем возводить идеальные конструкции рапсодам, нечего анализировать психологам, не о чем рассказывать истории тем, кто рассказывает истории...» (Сафрански, 2002).

Сам же Хайдеггер намеренно не дает никаких определений Богу. Более того, он вообще практически не касается в своих работах темы отношений человек-Бог, или Бог-мир. Однако, как он сам позже прокомментарирует, это ни в коей мере не означает ни теизма, ни атеизма. Но это также ни в коем случае и не индифферентизм. Его путь теперь – это путь к самым основам, *радикальное вопрошание «Как?», «Каким образом?»*. И именно такая философия, по словам самого же Хайдеггера, способна вновь открыть человеку то измерение бытия, в котором встречаются Бог и человек:

«Экзистенциальным определением человеческого существа еще ничего не сказано о «бытии Божиим» или его «небытии», равно как о возможности или невозможности богов. Поэтому не только опрометчиво, но уже и в самом своем подходе ошибочно заявление, будто истолкование человеческого существа из его отношения к истине бытия есть атеизм. Эта произвольная квалификация, кроме того, говорит еще и о недостаточности чтения. Людей (под “людьми” прежде всего, понимай Сартра – Прим. автора) не тревожит, что уже с 1929г. в работе «О существе основания» (с.28, прим. 1) стоит следующее: «Онтологической интерпретацией человеческого бытия как бытия-в-мире не выносятся ни позитивного, ни негативного решения относительно возможности бытия при Боге. Однако благодаря прояснению трансценденции впервые добывается достаточное понятие бытия-вот (Dasein), в опоре на которое отныне можно ставить вопрос о том, как в онтологическом смысле обстоит дело с отношением бытия-вот к Богу». Если теперь еще и это замечание люди привычным образом додумают только до половины, то вынесут приговор: вот философия, не высказывающаяся ни за, ни против бытия Бога. Она остается тут индифферентной. Стало быть, религиозный вопрос ей безразличен. А подобный индифферентизм скатывается к нигилизму.

Но учит ли приведенное высказывание индифферентизму? Почему же тогда отдельные слова, и не первые попавшиеся, даны в приведенном замечании курсивом? Все-таки только для того, чтобы подчеркнуть, что мысль, исходящая из вопроса об истине бытия, спрашивает изначальное, чем это возможно для метафизики. Лишь из истины бытия впервые удастся осмыслить суть Священного. Лишь, исходя из существа Святыни, можно помыслить существо божественности. Лишь в свете существа божественности можно помыслить и сказать, что должно называться словом «Бог». Или мы не обязаны сначала точно понимать и уметь слышать все эти слова, чтобы быть в состоянии в качестве людей, т.е. экзистирующих существ, иметь опыт отношения Бога к человеку? Как же тогда человек современной истории мира сможет хотя бы просто с должной серьезностью и строгостью задаться вопросом о том, близится ли Бог или ускользает, если этот человек упустил вдуматься прежде всего в то измерение, в которое единственно только и можно задать такой вопрос? А это измерение Священного, которое даже и как измерение остается закрытым, если не высветилась и своим просветом не приблизилась к человеку открытость Бытия (выделено автором). Возможно, отличительная черта нынешней эпохи мира состоит в закрытости измерения Священного. Возможно, тут ее единственная беда» (Хайдеггер, 1993а, с.213).

Так был ли Хайдеггер религиозным человеком? Безусловно, был. Религиозность начинается там, где проявляет себя благоговение перед святыней. Было ли у него такое благоговение? Безусловно, было. Хайдеггер никоим образом не отвергает святое (священное), а, напротив, утверждает, что только в нем люди могут обрести свой истинный дом. При

этом стоит отметить, что говорит это не ранний, а поздний – «послевоенный Хайдеггер»:

«Священное же, которое есть пока еще лишь сущностное пространство божественности, опять же еще только хранящей измерение для богов и для Бога, взойдет в своем свечении только тогда, когда в своей долгой подготовке просветлится и будет воспринято в своей истине само бытие. Только так, от бытия, начнется преодоление бездомности, в которой блуждают не только люди, но само существо человека» (Хайдеггер, 1993, с.206).

Мог ли неверующий, нерелигиозный человек написать такие слова?

В связи с основным вопросом данной статьи стоит также упомянуть знаменитый вопрос Хайдеггера о субъектности в бытии, т.е. вопрос о «Кто в бытии?». Хайдеггер говорил о том, что перевод и трактовка его базового термина *Dasein* как «*вот-бытие*», и особенно понимание *Dasein* как субъекта в многочисленных связях с миром, принципиально неверна. «Человек существует таким образом, что он есть “*вот Бытия*”» (Хайдеггер, 1993, с.199), то есть его просвет. Само выражение «*вот Бытия*», где Бытие пишется с большой буквы, приводит нас к мысли о локализации субъектности не в человеке, а в самом бытии. Однако, поскольку Хайдеггер не мыслит в рамках субъект-объектной парадигмы, наверное, правильнее было бы говорить о локализации не *вне* человека, а не только *в* человеке. Тем не менее, если Хайдеггер раскрывает нам путь к иной субъектности в бытии, нежели только локализованной в человеке, то куда иначе, как не к Богу, этот путь ведет? Ведь даже дьявол ничего не творит без воли Бога.

Стоит также упомянуть, что уже незадолго до смерти Хайдеггер удивительным образом рассуждал о существовании моста: Мост перекрывает бездну, в бездне проглядывает Ничто, над которым мы балансируем. Мост продолжает в себе несущее начало земли, с которым мы неразрывно связаны. *Проект*, решительный бросок обеспечивает возможность перехода. Перекрытие моста поднимается над бездной в открытость неба. Следовательно, мост, опираясь на два берега, выдвигает нас в открытое пространство, дает нам в этом пространстве опору. Хайдеггер говорит: в том переходе, который совершает смертный, мост соединяет землю и небо. Главное же заключается в том, что этот мост растет под нашими ногами только тогда, когда мы идем (Сафрански, 2002, с.566).

Смерть Хайдеггера

Смерть удивительным образом вскрывает само существо человека, в определенном смысле являясь не только итогом человеческой жизни, но и итогом всего творчества, в особенности, если речь идет о смерти фило-

софа. Примером может служить смерть Сократа, когда тот отклонил предложения о бегстве и, будучи верным своему внутреннему закону, выпил чашу с ядом. Мне также вспоминаются описания смертей оптинских старцев, для которых было характерно, во-первых, совершенно однозначное предчувствие момента смерти и, во-вторых, спокойное ее принятие, полное отсутствие каких-либо моментов страха и паники. Особенно запомнилась подготовка к смерти оптинского старца Льва. «Иду к Богу моему и Богу вашему. Иду к Отцу моему и Отцу вашему», – говорил Лев, прощаясь с близкими ему людьми и как бы готовясь в последний путь на такую далекую и, в то же самое время, такую близкую Родину. Он произносил эти евангелиевские слова с такой строгой и спокойной интонацией, что ни у кого не вызывало сомнения, что именно так оно и есть, так оно и будет.

В качестве антипода такому уходу можно рассматривать смерть в состоянии «внутреннего бегства», паники, попытки любой ценой избежать этого момента. Можно вспомнить смерть Жана-Поля Сартра, глотавшего немеренные дозы таблеток и в бешеном темпе работавшего над биографией Бальзака. Или же смерть Льва Толстого, гонимого страхом то в Оптину, то от Оптиной, и так и умершего по дороге на каком-то полустанке.

Поэтому в свете вопроса, выдвинутого в заглавие данной статьи, нам было бы предельно интересно проследить, как готовился к смерти и как умирал Мартин Хайдеггер.

После смерти в декабре 1975 года «единственной страсти его жизни» Ханны Аренд, сам Хайдеггер стал готовиться к смерти – спокойно, сосредоточенно, отрешенно. Чуть позже его навестил один из его друзей, Петцет, и после оставил следующую запись: «Как всегда, я должен был многое ему рассказать; он заинтересованно расспрашивал меня о людях и вещах, о впечатлениях и работе – его ум был, как всегда, ясен, кругозор широк. Когда ближе к вечеру я собрался уходить и госпожа Хайдеггер уже вышла из комнаты, я, дойдя до двери, еще раз обернулся. Старик посмотрел на меня, приподнял руку, и я услышал, как он тихо сказал: «Да, Петцет, дело идет к концу». Его глаза поприветствовали меня в последний раз» (*Сафрански, 2002, с.206*).

Примерно к тому же времени относятся воспоминания еще одного из приятелей Хайдеггера – Макса Мюллера. По его рассказам, когда им с Хайдеггером во время пеших прогулок случалось проходить мимо церкви и часовни, старик всегда зачерпывал горсть святой воды и преклонял колени. На вопрос Мюллера, не есть ли это выражение непоследовательности – ведь он, Хадейггер, отошел от церковных догм, тот ответил: «Надо мыслить исторически. В тех местах, где много молились, близость божественного сказывается совершенно особым образом».

В январе 1976 года Хайдеггер попросил своего земляка по Мескирху, профессора теологии во Фрайбурге Бернхарта Вельте, зайти к нему поговорить – и во время их встречи признался, что хотел бы быть похороненным на кладбище в Мескирхе, на их общей Родине. Он выразил желание, чтобы его погребли по церковному обряду, и чтобы сам Вельте выступил с надгробным словом. В этот день Хайдеггер говорил о том, что опыт переживания близости смерти подобен опыту переживания близости к Родине («Иду к Богу моему и Богу вашему, иду к Отцу моему и Отцу вашему»). 26 мая 1976 года, проснувшись утром в хорошем самочувствии, Хайдеггер опять вскоре заснул и во сне умер. Он вернулся на свою и нашу – вечную Родину, а путь философии, по словам Рюдигера Сафрански, с которым трудно спорить, снова погрузился во тьму...

ЛИТЕРАТУРА

Кириленко Г.Г., Шевцов С.В. Философия. М., 1999.

Сафрански Р. Хайдеггер, германский мастер и его время. М., 2002.

Мартин Хайдеггер. Письмо о гуманизме // *Время и бытие.* М., 1993.

Мартин Хайдеггер. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим // *Время и бытие.* М. 1993а.

Мартин Хайдеггер. Бытие и время. М., 1997.

Jean-Paul Sartre, Ist der Existentialismus ein Humanismus? – In Ders., *Drei Essays.* Berlin 1977.